

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНО-ЭМОТИВНЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПРАКТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(на материале поэзии Ю. Шевчука)**

Розглянуто польову структуру найменувань практичних емоцій у контексті поезії Ю. Шевчука: систематизовано корпус лексичних одиниць, які формують лексико-семантичну групу «практичні емоції»; вивчено мовні механізми репрезентації емоцій в поетичних текстах; проаналізовано польову структуру ЛСГ «практичні емоції» з точки зору ядерної і периферійної зон залежно від частоти вживання.

Ключові слова: практичні емоції, поезія, лексико-семантичне поле, лексико-семантична група, контекст, ядро, периферія, частота.

Рассмотрена полевая структура наименований практических эмоций в контексте поэзии Ю. Шевчука: систематизирован корпус лексических единиц, формирующих лексико-семантическую группу «практические эмоции»; изучены языковые механизмы репрезентации эмоций в поэтических текстах; проанализирована полевая структура ЛСГ «практические эмоции» с точки зрения ядерной и периферийной зон в зависимости от частотности употребления.

Ключевые слова: практические эмоции, поэзия, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, контекст, ядро, периферия, частота.

The article deals with field structure of the practical emotions in J. Shevchuck's poetry context. To do it we systematize the corps of lexical units, which form semantic group "practical emotions", we studied linguistic mechanism of emotional representation in poetry texts. It also analyses field structure of the practical emotions standpoint of the nuclear and peripheral zones according to frequency of usage.

Keywords: practical emotions, poetry, semantic group, context, nuclear, periphery, frequency, semantic field.

Распределение эмоций по семантическим компонентам языковых единиц и по семантическим типам лексики представляет собой актуальную общезыковедческую проблему [8, с. 5]. Исследованием эмотивной стороны языка занимались и продолжают заниматься многие лингвисты, в частности М. М. Бахтин, В. И. Болотов Э. А. Вайгла, Л. С. Выготский, Г. М. Кафтанова, Н. А. Лукьянова, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашевский, В. И. Шаховский и др.

Однако на данном этапе развития языкознания тема репрезентации слов со значением «эмоции» в художественной речи современных поэтов является благодатной почвой для разнообразных лингвистических исследований, что обуславливает **актуальность** нашей статьи, **целью** которой является изучение механизмов реализации слов со значением «практические эмоции» в художественной речи русского рок-поэта Юрия Шевчука. В связи с заявленной целью исследования нам необходимо решить следующие **задачи**: 1) обосновать: а) наше обращение к языку рок-поэзии; б) наше видение структуры лексико-семантического поля (далее – ЛСП) «Чувство»; 2) рассмотреть лексико-семантическую группу (далее –

ЛСГ) «практические эмоции» в контексте ЛСП «Чувство» на материале поэзии Ю. Шевчука.

Конец XX – начало XXI в. отмечены повышенным интересом молодежи к рок-культуре, которая стала ведущим направлением в формировании мировоззрения и способом жизни молодежи, «рок-н-ролл для нее – это экзистенциальный прорыв нового поколения» [1, с. 65]. Многие журналисты, занимающиеся современной молодежной культурой, обратили свое внимание и на рок-поэзию, ими были сделаны первые шаги, направленные на изучение текстов рок-песен (например, И. Смирнов, А. Кузнецов), но научных работ (литературоведческих, лингвистических) по исследованию рок-поэзии пока недостаточно. С точки зрения поэтической речи рок-культуру изучают такие современные исследователи, как К. Алабужев, А. Дидуров, О. Каневская, А. Кузнецов, О. Маркелова, И. Смирнов и др. Ученые отмечают особое внимание рок-поэтов к слову, высокую образность текстов песен. Исследователь рок-поэзии Е. Борисов писал: «Поэтический текст сродни дневнику, а побуждение его коренится в глубоко личном желании высказаться о частном, но невыносимо остром для сокрытия в душе переживании» [7, с. 5].

Избранная для анализа группа лексики изучается как компонент ЛСП «Чувство». Проблема сущности и статуса семантического поля относительно других системных объединений остается дискуссионной [5, с. 1]. Укажем, что в нашем видении ЛСП, объединяющее совокупность лексических и лексико-фразеологических единиц, связанных общей темой, представляет собой ядерно-полевое образование, в котором, в свою очередь, выделяются фрагменты, или парцеллы, представленные ЛСГ.

ЛСП имеет ядро и периферию. В ядре содержатся наиболее значимые, важные слова. Периферия обширна, в ней находятся лексемы из других ЛСГ, которые лишь по отдельным семам включаются в исходную. Периферия создает неустойчивость каждой подсистемы, но она же является и основой для связи подсистемы в единую систему [6, с. 92].

В данном исследовании нас интересует класс ассоциативно-эмотивных слов, в которых денотативным содержанием являются объективные свойства эмоций.

По нашему мнению, ЛСП «Чувство», существующее в русском языке, наилучшим образом можно структурировать, соотнеся его с классификацией эмоций по Б. И. Додонову [см. 3, с. 123]. При таком подходе каждая группа эмоций будет репрезентирована отдельной ЛСГ в составе поля.

Для нашего исследования также актуален тезис В. И. Шаховского: «Во всем инвентаре эмоций четко прослеживаются ядерные и периферийные эмоции: те, которые наиболее часто испытывает человек и те, в которых потребность человека относительно невелика. При речевой коммуникации четко прослеживается это деление эмоций. Поэтому для лингвистического анализа речевых моделей вполне достаточно ограничиться наиболее частотными, так называемыми фундаментальными эмоциями» [8, с. 90].

Практические эмоции «вызываются деятельностью, ее изменениями, успешностью или неуспешностью, трудностями осуществления» [3, с. 123]. К данной группе эмоций исследователи относят «желание достичь успеха в работе, чувство напряжения, увлеченность работой, приятную усталость, удовлетворение результатами своего труда» [2, с. 229]. В речи эти эмоции выражаются, по нашему мнению, следующими ассоциативно-эмоциональными словами: *усталость, трудно, тяжело, легко, нелегко, просто, непросто, стремление, лень*; различными формами этих слов, их производящими и производными от их основ. Прежде чем приступить к рассмотрению функционирования ассоциативно-

эмотивных слов со значением «практические эмоции», отметим обилие указанных лексем в текстах Шевчука, посвященных творчеству, но в то же время относительно низкую частоту в массиве стихов поэта вообще. Такое распределение лексем с практической семантикой объясняется, с нашей точки зрения, свойственным рок-поэту пониманием творчества как ведущей деятельности и основной цели жизни.

Усталость – наиболее частотная в стихах Шевчука ассоциативно-эмотивная лексема с практической семантикой. Зачастую в текстах поэта расширяется традиционное понимание указанного абстрактного явления: люди устают не только от физического или умственного труда, но и от понимания враждебных законов жизни, от тяжести накопленного негативного опыта: *Усталые медсестры, / Раскинув крылья рук, / Застыли на плечах / Стреноженных столов* [«Больница белая...», с. 62*]; *Одноразовая жизнь в мире номер раз, / Я устал выживать, носить рот, глаз, таз* [Одноразовая жизнь**]; *Мама, разбуди черным вечером, / Мама, чтоб я ночь не проспал, / Мама, я уйду, как намечено, / Мама, как я устал...* [Свобода**]; *Народ меня ждёт, да я, к сожаленью, устал. / О, только не надо меня, пожалуйста, бить* [Пост-интеллигент**]. Кроме того, уставать могут и персонифицированные посредством предикативной метафоры абстрактные и конкретные понятия: *любовь, смерть, взгляд, душа, могилы, жизнь. И устала любовь смотреть на весы, / И мечта у дверей ждет одной колбасы* [Потолок**]. Контекстуальное окружение и глагольная метафора расширяют семантику лексемы *любовь* отрицательным элементом «усталая от поисков выгоды». Рядом сем с негативными коннотациями наполняются слова, синтагматически связанные с лексемами *усталый, устала* в следующих примерах: *Ночь светла, как круги от времени, / Что забросил я в смерть уставшую* [Новое сердце**]; *Я принес тебе подарок – / Мокрый след на ржавой крыше, / Крик, который не услышишь, / Взгляд усталый на ладони* [Подарок, с. 129]; *Так тревожно и пусто душе, / Что устала от поисков снега* [Рождество, с. 156]; *Антиутопия на ржавом коне / Вскроет могилы уставшие ждать* [Предчувствие, с. 68]. Лексическим эквивалентом глагола *устать* в отдельном микроконтексте выступает словосочетание *выбиться из сил*: *Жизнь дорожает, выбившись из сил / Зализывает раны после драки* [Пропавший без вести, с. 174]. Будучи человеком, умудренным опытом, Шевчук вывел философему, характеризующую людскую зрелость: *Старости нет, есть только усталость* [Контрреволюция, с. 171]. На основе ассоциативной соотнесенности *старость – усталость* семантика выделенной лексемы расширяется элементом «предвестник смерти». Подобная семантическая трансформация наблюдается в следующем примере: *Я принес тебе подарок... Юность навшую да старость, / И усталость, и усталость* [Подарок, с. 129].

Лексемы *трудно, тяжело, легко, просто, непросто, нелегко*, характеризующие протекание действия, довольно часто встречаются в текстах Шевчука. Эх, *трудно слить унитаз да небо. / Легче крыть это все матом* [Российское танго, с. 94]. Антитеза «трудно – легче» подчеркивает контекстуальную антонимию «слить унитаз да небо – крыть матом», репрезентующую противопоставление «действие – бездействие». Реализация вышеназванных слов в текстах песен поэта не сопровождается яркой образностью, поскольку сами по себе эти лексемы описывают ход действия или предмет, отягощая структуру синтагматически связанных с ними слов семами с отрицательными коннотациями: *Не так уж скверно все, друзья, / Хоть в жизни многого нельзя, / И спорить трудноато с небесами* [Привет М**]; *Их тяжелая юность прошла вдалеке от вещей, / Тех, которые так переполнили доверху нас* [Я получил эту роль, с. 34]; *Мы снова встаем, сбросив тяжесть сомнений, / Мы – зерно для твоей целины* [Время, с. 46]; *И трудно*

верится, что пало / То, с чем боролась вся страна [Вологда, с. 23]; Ты думал, что здесь легко встать / Высоко полететь, глубоко не упасть, / Познать этот мир и остаться счастливым [Герой**]; И так всё легко соплякам и просто – / Папаша добьется служебного роста [Мажоры, с. 42]; Как легко верить в то, что нам с детства долбят, / Сомневаться в чем-либо лень [Дохлая собака, с. 44]; Красота, ты здесь родная / Недоступна, нелегка [Ларек (Бородино), с. 166].

Ассоциативно-эмотивная лексема **стремление**, обладающая также элементами гностической семантики, нечастотна в поэзии Шевчука: *Дай мне оправдать твою безжалостную милость / Верными аккордами подыскать ключи / В сад, где все начала, все концы, куда стремились* / Мы, когда нас резали и штопали врачи [Вальс, с. 157]; *Я – память без добра. / Я – знание без стремлений* [Церковь, с. 48]. Словосочетания «память без добра» и «знание без стремлений» объединены отношениями синтаксического параллелизма на основе общего признака «бесмысленность».

Лексема **лень** в значении «отсутствие желания действовать, трудиться» [4, с. 323] обозначает астеническую разновидность практических эмоций. У Шевчука указанная лексема встречается редко: *Уважайте, братцы, Русь, / Стыдно нам лениться, / Вон по три халтуры в день / Лепит «Синя птица»!* [Частушки**]. Контекстуальное соседство с элементами *стыдно, халтура*, отягощает семантику выделенной лексемы дополнительными элементами значения «постыдная», «непорядочная».

Отдельно очертим массив лексем, содержащих в своей семантике элементы, которые выражают практические эмоции опосредованно. Обширную группу в указанном массиве лексем можно объединить под общим названием «**процессы и результаты работы и творчества**». Указанную группу составляют элементы *труд, служба, работа, пахать, движения, лепить, создать, не спать, искусство, стихи, пылкие сонеты, петь*. С исследуемой ЛСГ указанные лексемы соотносятся различными элементами значения практического характера, среди которых «напряжение», «увлеченность», «стремление», «желание увериться в результате».

К труду, так же как и к славе, в разные периоды творчества у Шевчука нет единого отношения. Коннотативная база лексемы **труд** в стихах Шевчука, написанных в эпоху СССР, зачастую меняет полярность по сравнению с традиционной узуальной моделью вследствие отягощения семантики слова несвойственным ей элементом «бесмысленный». Такое преобразование объясняется, с нашей точки зрения, нравственными установками рок-поэтов: работа во благо правящей верхушки не принесет пользы простым людям. *Эфемерное счастье, заполнило медом эфир. / Славим радость большого труда, непонятого смыслом своим* [Я получил эту роль, с. 34]; *Прикрепляя медаль на дырявую грудь, / Намечая ударный трудовой путь, / В райкомовском рае подливая чаек: «Все хорошо! Все нормалек!»* [Пластун, с. 69]. В известном стихотворении контекстуальное соседство с элементом *конвейер* и общая идейная нагрузка текста отягощает семантику исследуемой лексемы элементом «однообразный»: *Мы конвейром повышаем / Производительность труда!* [Конвейер, с. 50]. В некоторых стихах труд, напротив, выступает творческим преобразующим началом: *Все! Работе конец, наконец-то все чисто и гладко. / Потрудился Юрец-огурец, не страна – шоколадка* [Я остановил время**]. В более поздних стихах поэт представит видение труда как смысла жизни: *Все песни – распроданы, смыслы – утрачены. / Где вы, герои войны и труда?* [Суббота, с. 63]. Элемент *война* через отношения контекстуальной синонимии сообщает лексеме **труд** элемент значения «героический», а общая идейная нагрузка стихов активизирует сему «смысл».

Лексемы с практическими семами *служба, работа, пахать* нечастотны в текстах поэта, их выражение не сопровождается яркой образностью: *Контора пьяных дембелей, / За ребра лапая девчат, / О службе матерно кричат / И отгоняют кобелей* [Периферия, с. 31]. Вводя в текст стихов приговорку, поэт подчеркивает показательное разграничение личной и служебной сферы, характерное для жизненной позиции милиционера: *Да лимит, понимаешь, ещё год трубить, / Дружба – дружбой, а служба – службой!* [Милиционер в Рок-клубе**]. Коннотативная база элемента *работа* меняет полярность в зависимости от контекста: *Я нашел для себя работу, я сказал слово: / Все исправить, почистить, помыть и запустить снова* [Я остановил время**]. В приведенном примере идейная нагрузка стихов сообщает исследуемой лексеме индивидуально-авторское значение «процесс чудесного преобразования мира», придавая стихам высокую степень образности, в то время как в следующем микроконтексте поэт депоэтизирует процесс работы: *А я лежал, плюя на потолок, / Работа эта шла благополучно* [Блюз**]. Взаимодействуя в контексте с общеязыковым выражением *плюя на потолок*, выделенное слово получает противоположное значение «безделье». Семантика слова *пахать* изобилует элементами значения практического характера: *А мы пахали скромно. Ведал / Делами нашими покой* [Победа**].

Лексемы *движение, лепить, создать, не спать* соприкасаются с исследуемой группой ассоциативно-эмотивных слов практическими семами «стараться», «стремиться», «трудно»: *А те, в кого верил, ушли далеко, / И движения их не видны.* [Предчувствие гражданской войны, с. 67]; *Мы лепили Любовь – / Вышла Баба с Веслом* [Новые блокадники**]. Последний отрывок демонстрирует пример употребления метаморфозы, придающей тексту оттенок саркастичности. В соответствии традиционным представлениями, Шевчук в своих стихах подает образ Бога как деятельную, созидательную силу: *Вынудивший начало конца, / Заедающий сахаром соль, / Познающий нашу славную боль, / Создавший тёрн для венца* [Он, с. 110]. Элемент *не спать* в некоторых стихах реализует семантику лексем *действовать, работать*: *Здесь я не знаю что петь, / Я не знаю, чем быть, / Я научился не спать, / Но разучился любить* [Глазища**]; *Сколько перьев с неба падает вниз, / Сколько душ не спит у костра* [Он, 110**].

Структуры лексем, обозначающих творческий процесс и его результаты (*искусство, стихи, пылкие сонеты, петь*) во всех стихах Шевчука несут в себе практические семы с положительными коннотациями, что, по нашему мнению, подчеркивает приоритетность для поэта творческой деятельности перед трудовой деятельностью, направленной на благо правительства (ср. с семантическими преобразованиями в слове *труд*). *Я забыл, кем я был, и я проклял искусство / Понял я, что давно боялся этого чувства* [В ресторане, с. 168]. *Если было бы иначе, / То не писал бы стихи я. / Если было бы по-другому, / Прошел бы мимо иконы* [«Мой коллега вещал мне...» с. 173]. Сближение выражений *не писал бы стихи я* и *прошел бы мимо иконы* в отношениях синтаксического параллелизма передает мысли поэта о стихах как о чем-то святом, как о явлении божественной природы. Семантика «божественный», «нереальный», «потусторонний» обогащается структура исследуемого слова в следующем примере: *В этой длинной стране дураки умирают спеша, / Чтобы, снова родившись, писать неземные стихи.* [«Соскочивший с дороги...», 117). Гораздо реже поэт депоэтизирует результаты творческого труда: *Зевает скучно, / Бледная луна / Плюет на наши пылкие сонеты* [«К чему реке...», с. 15]. Контекстуальное соседство с элементами *зевает, скучно, плюет* нивелируют образность выделенного атрибутивного словосочетания.

Отношение поэта к песням и пению также исключительно: эти понятия мыслятся как суть жизни. *Прости, что пою, что не умер осенним дождем* [Жур-

налист, с. 146]. Лексема *петь*, которая в данном микроконтексте выступает антонимом слову *умереть*, получает индивидуально-авторское значение «жить», демонстрируя представления автора о пении как о цели существования. В следующих примерах также репрезентируется активация в лексеме *петь* контекстуально обусловленных сем «жить», «существовать», «действовать»: *И предложил артист допеть поэтом недопетое, / И грянул хор, взревела медь про радостное лето* [«Еще один поэт погиб...»**]; *Актриса Весна, / Актриса Весна, / Позволь нам дожить, / Позволь нам допеть / До весны...* [Актриса Весна, с. 56]; *Не дожить, не допеть, не дает этот город уснуть, / И забыть те мечты, чью помаду не стер на щеке* [Белая ночь**]. Два последних примера демонстрируют активацию указанных сем на основе синтаксического параллелизма (*Позволь нам дожить, / Позволь нам допеть*) и единообразия синтаксических функций (*Не дожить, не допеть*).

Отдельно рассмотрим лексемы абстрактного характера с опосредованно практическим значением, которые можно охарактеризовать как «внутренние ощущения, возникающие в процессе труда». Указанный подразряд слов составляют элементы *суета, хлопоты, потуги*.

Лексема *суета* встречается в стихах Шевчука довольно часто, реализовываясь преимущественно в значении «торопливые и беспорядочные хлопоты, излишняя торопливость в движении, в работе, в поведении» [4, с. 778]. При этом нужно отметить, что практически во всех случаях семантика слова будет отягощаться дополнительными негативными элементами, что проистекает из понимания автором суеты как враждебного фактора повседневности, мешающего творить и постигать жизнь. *Отжени от меня дождевицу – печаль, / Отжени от меня одинокую ночь, / Отжени от меня суетливые дни* [Четыре окна**]. Реализация словосочетания *суетливые дни* в отношении синтаксического параллелизма с эпитетическим сочетанием *дождевица – печаль* и атрибутивного словосочетания *одинокая ночь*, построенного на именной метафоре, сообщает семантике выделенного слова элементы с негативными коннотациями «печальные», «бессмысленные», «ночь», «одинокие». Последние указанные семы активируются контекстом в следующем примере: *В суете наступает совсем одинокая ночь. / Лезут мысли о третьем конце и уже не до сна* [Я получил эту роль, с. 34]. Семантические элементы «отсутствие целостности», «тревожность» репрезентируются в другом микроконтексте: *Когда луна, объединяя суету в единое и цельное пространство, / Заморозила сырье непостоянства* [«Когда един...», с. 144]. Сходную со словом *суета* семантику имеет лексема *хлопоты*: *Московская барыня – / Слишком много друзей, / Московская барыня – / Слишком много хлопот* [Московская барыня, с. 132]. Лексема *потуги* в переносном значении (усилия, попытки сделать что-нибудь (преимущественно неудачные) [4, с. 573]) также содержит в семантике элементы практического характера: *Теперь молодые ломают рога, / И в стены колотятся лбом. / А ваши потуги уже не игра, / И вам – наш дурак рок-н-ролл* [Дохлая собака, с. 44].

К отдельному подразряду слов с опосредованно эмотивной семантикой практического характера отнесем элементы, обозначающие «отсутствие деятельности в силу различных причин, бездействие», т. е. знаменующие астеническую разновидность рассматриваемой группы эмоций. К данной группе мы отнесли лексемы и выражения *спать, туняждство, не сделать и шаг, не в силах, ни строчки, выходной*. Часто приведенные элементы поэт вводит в поэтический текст в составе именных или предикативных метафор. *Спит насильственное братство / Выключателей и улиц. / Это сонное богатство / Распивает туняждство / Тех которые проснулись* [Ночь**]; *Боже, сколько лет я иду, но не сделал и*

шаг / Боже, сколько дней я ищу то, что вечно со мной [Родина, с. 71]; *Ты молча уйдешь, и я останусь один, / Несвежий покойник на похоронах, / Не в силах обряд этот хоть чем-то исправить* [Фома, с. 73]; *И вырубил «ящик», и лампа дотла / Догорела в пыли, а на верном столе – / Ни строчки, лишь мат ползет по шкале* [Потолок**]. В последнем примере с целью демонстрации ощущения безысходности автор вводит в текст мотив творческого поиска. В стихах, передающих глубокое отчаяние поэта от событий, происходящих в России, поэт репрезентирует депозитизированный, и тем самым переосмысленный образ Господа. Несвойственная структуре слова **Бог** сема «способный уйти на отдых» активируется при нарушении привычной сочетаемости лексем в следующих стихах: *Берегут до первой смерти, отведают до второй / Всех святых распяли черти, / Бог – он, видно, – выходной* [Небо на земле**].

Безусловно, важное место среди слов с практическими оттенками занимают лексемы, которые обозначают «спонтанные факторы, способствующие достижению успеха в работе»: **везет, не везет, неудача, чародей**. Лексемы такого характера встречаются в стихах Шевчука довольно часто. *Бил с улыбкой, не целясь, навскидку и влет, / А кругом говорили: «Вот парню везет!»* [Не стреляй!, с. 18]; *Кому-то в жизни не везет, / Мечта покоя не дает* [Башкирский мед**]; *Прочь, вчерашние сомненья, / Прочь, неудачи черных дней, / Только не ищите в тихом омуте спасенья, / И тогда окажетесь сильнее!* [Привет М**]; *Наверняка не прилетит к нам добрый чародей. / Самим нам нужно сохранить планету для людей* [Инопланетянин**]; *И упал лицом в Правду, и пытался подняться, / Если ты не поможешь, он не выйдет из драки* [Поэт, с. 154]. Отметим, что в пределах приведенных стихов все выделенные лексемы трансформируют свою семантику под влиянием контекстуального окружения.

С целью систематизации проанализированного нами материала выстроим полевою структуру наименований практических эмоции с точки зрения частоты их употребления в поэтической речи Ю. Шевчука.

Проведенный нами анализ позволяет к **ядру** ЛСГ «практические эмоции» отнести лексему *усталость* вследствие наиболее высокой частотности употребления такой лексемы в стихах поэта по сравнению с остальными словами, относящимися к исследуемой группе. Семантика лексемы *усталость* в контексте стихов рок-поэта часто отягощается несвойственным ей элементом с негативными коннотациями «предвестник смерти», что способствует передаче гнетущей атмосферы некоторых стихов. Такое отягощение семантики исследуемого слова продиктовано, с нашей точки зрения, авторской трактовкой усталости как тяжести от понимания враждебных законов жизни и накопленного негативного опыта.

В **околоядерную** зону ЛСГ «практические эмоции» отнесем лексемы *трудно, тяжело, легко, просто, непросто, нелегко* в связи с тем, что их употребление в текстах песен не так частотно. **Периферию** исследуемого поля, по нашему мнению, образуют лексемы *труд, служба, работа, пахать, движения, лепить, создать, не спать, искусство, стихи, пыльные сонеты, петь, суета, хлопоты, потуги, спать, тунейство, не сделать и шаг, не в силах, ни строчки, выходной, везет, не везет, неудача, чародей*. Приведенные лексемы содержат в своей семантике эмоциональные элементы практического плана, однако в основном своем значении относятся к другим ЛСП и обозначают процессы и результаты работы и творчества, внутренние ощущения, возникающие в процессе труда, отсутствие деятельности в силу различных причин и спонтанные факторы, способствующие достижению успеха в работе. Напомним также, что лексемы практического характера частотны в стихах Шевчука, посвященных творчеству, но относительно нечастотны в общем массиве стихов поэта вообще.

В заключение укажем, что поэт очень эффективно вводит в художественную речь слова со значением эмоций посредством метафор, сравнений, гипербола, антитеза. Также необходимо отметить, что русская рок-поэзия, и поэзия Ю. Шевчука в частности, является благодатной почвой для дальнейших лингвистических исследований эмоциональной лексики вследствие обилия нестандартных приемов выражения чувств и высокой художественности текстов.

Библиографические ссылки

1. **Вальран В. Н.** Ленинградский андеграунд : живопись, фотография, рок-музыка / В. Н. Вальран. – СПб. : Изд-во имени Н. И. Новикова, 2003. – 79 с.
2. **Загальна психологія** : підручник / О. В. Скрипченко, Л. В. Долинська, З. В. Огороднійчук та ін. – К. : Либідь, 2005. – 464 с.
3. **Кириленко Т. С.** Психологія : емоційна сфера особистості : навч. посібник. / Т. С. Кириленко. – К. : Либідь, 2007. – 256 с.
4. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
5. **Половинко О. О.** Лінгвістичні та екстралінгвістичні фактори наповнення семантичних полів у сучасній російській літературній мові : авторефер. дис. ... канд. філол. наук / О. О. Половинко. – Дн., 2006. – 25 с.
6. **Попова З. Д.** Лексическая система языка : Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
7. **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.
8. **В. И. Шаховский.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.

Источники поэтических текстов

* – **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.

** – Данная цитата стихотворения Ю. Шевчука – результат авторской расшифровки аудиоальбома группы ДДТ и Ю. Шевчука.

Надійшла до редколегії 23.01.12